

УДК 81'27

АССОЦИАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ В АСПЕКТЕ ЛАКУНАРНОСТИ

Чжипин Хань

аспирант кафедры русского языка и литературы

Благовещенский государственный педагогический университет

675000, Благовещенск, ул. Ленина, 104. misha.xan@bk.ru

Язык – прежде всего средство национального общения, и в нём отражаются специфические национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое он обслуживает. Каждый носитель языка является продуктом целого комплекса социально-исторических и культурных факторов. Совокупность культурного наследия позволяет людям одной языковой общности легко понимать друг друга. Однако, как известно, две национальные культуры никогда не совпадают полностью, что выражается, прежде всего, в национальной специфике говорящих коллективов. И потому при взаимодействии представителей разных культур неизбежно возникает недопонимание, особенно осязаемое в случае лакунарности. Теория и практика перевода, а также методика обучения иностранным языкам знает множество примеров, когда понятия, выраженные в одном языке, не имеют наименований в другом, т.е. являются лакунами. В статье рассматриваются разные типы национальной специфики: национально-культурная специфика семантики, национально-концептуальная специфика семантики, национально-коннотативная специфика семантики; анализируются лексико-семантические группы, обладающие коннотацией в русской либо китайской лингвокультурах, особенности которой выявляются на основе ассоциативного эксперимента и реализованы ассоциативными (эмотивными) лакунами.

Ключевые слова: национально-культурная специфика семантики; национально-концептуальная специфика семантики; национально-коннотативная специфика семантики; концептуально-безэквивалентная лексика; ассоциативная реакция, концепт; немотивированные лакуны; ассоциативная лакунарность.

Язык – явление социальное, и если рассматривать его в коллективном плане, то он выступает хранителем информации о мире, которая добыта всеми членами определённой этнолингвистической, культурно-языковой общности людей. «Каждая нация имеет своеобразную действительность и определённую специфику языкового обозначения этой действительности. Эта специфика носит не индивидуальный, а социальный характер» [Комлев 1966: 48]. «Язык, рассматриваемый как достояние всех говорящих на нём, в силу кумулятивной функции является подлинным зеркалом национальной культуры. Язык – это хранитель национальной культуры народа» [Верещагин, Костомаров 1983: 16–17]. Каждый носитель языка является продуктом целого комплекса социально-исторических и культурных факторов. «Такое универсальное, глобальное знание – результат работы коллективного созна-

ния – зафиксировано в языке, прежде всего, в его лексическом и фразеологическом составе» [Корнилов 2003: 4]. Культурно обусловленные различия приводят к особой разновидности коммуникации, называемой межкультурной, при которой коммуниканты используют национально-специфические слова и выражения, зачастую вызывающие несовпадения ассоциативных реакций на них.

Проблему национальной специфики семантики слова в разное время исследовали Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, Л.П.Крысин, В.Г.Гак, В.И.Кодухов, Н.Г.Комлев, В.И.Жельвис, И.А.Стернин, З.Д.Попова, Г.В.Быкова, Н.В.Прощенкова, Б.В.Дашидоржиева, Т.С.Азнабаева и другие, выделяя разные типы национальной специфики:

1) национально-культурная специфика семантики;

2) национально-концептуальная специфика семантики;

3) национально-коннотативная специфика семантики;

4) национально-языковая специфика.

С целью выявления ассоциативных реакций у русских и китайцев в течение 2013 г. нами проведен свободный ассоциативный эксперимент среди шестидесяти русскоязычных жителей г. Благовещенска Амурской области, РФ, и такого же количества носителей китайского языка (г. Харбин, провинция Хэйлунцзян, КНР). Возрастная градация опрошенных проводилась по методике Левинсона, описанная в книге И.В. Шаповаленко «Возрастная психология» [Шаповаленко 2004: 294]. В качестве стимула было предъявлено 26 слов отдельных лексико-семантических групп, порождающих полное или частичное несовпадение ассоциаций в русской либо китайской лингвокультурах: *волк, медведь, олень, слон, дракон, собака, заяц, крыса, змея, орёл, ворон, сойка, ласточка, бабочка, пчела, лотос, берёза, ромашка, рябина, яблоко, персик, груша, пять, шесть, белый цвет, жёлтый цвет*. В процессе эксперимента для получения реакции на каждый из стимулов реципиентам предлагалось назвать первое пришедшее на ум слово. При этом нами фиксировалась, как правило, только первая реакция на предъявленный стимул, которая считается наиболее точной.

Данные проведенных экспериментов показали, что несовпадение ассоциаций обусловлено в первую очередь **национально-культурной спецификой семантики**. Как отмечает И.А. Стернин, за разные виды национальной специфики семантики отвечают разные макрокомпоненты значения. Национально-культурная специфика, обнаруживаясь в случаях полной (мотивированной) безэквивалентности или отсутствия/наличия определенных компонентов значения, обусловленных отсутствием/наличием соответствующих признаков в называемых словом объектах материальной и духовной культуры, сосредоточена в денотативном и эмпирическом компонентах значения [Стернин 1987: 116]. Данный тип национальной специфики определяется тем, что у одного народа нет предмета или каких-либо признаков предмета, которые имеются в материальной культуре другого народа [Бы-

кова 2003: 43]. Например, в китайском языке 筷子 *kuaizi* – палочки для еды; 四合院 *siheyuan* – типовой дом старой китайской архитектуры с квадратным двором в центре и расположенными вокруг него четырьмя флигелями; 京剧 *jingju* – пекинская опера; 月饼 *yuebing* – лепёшки с начинкой к празднику Середины осени; 粽子 *zongzi* – кушанье из клейкого риса, обернутое тростниковыми листьями [Быкова, Глазачева 2011: 61]. В русском языке такие слова отсутствуют, потому что в китайском языке они обозначают артефакты, которых нет в русской культуре. Это абсолютные этнографические лакуны в русской лексике сопоставительно с китайской.

И наоборот – в русском языке слова *квас, колядка, блин, борщ, авоська, сметана* и другие уже обозначают предметы, которых нет в китайской действительности. Поэтому в китайском языке подобные отсутствующие номинации являются этнографическими лакунами, порождающими непонимание в процессе взаимодействия русских и китайцев. Например, слово *квас* для русского – традиционный национальный напиток, китаец же недоумевает, как его можно пить. Для русского *сметана* – повседневный продукт питания и почти обязательная добавка ко многим супам, для китайца – это прокисшие сливки, т.е. испорченный продукт. Такие семантические отсутствия (этнографические лакуны) в лексике русского или китайского языков легко объясняются социальными и национально-культурными причинами.

Национально-концептуальная специфика семантики, выявляемая в случае немотивированных лакун и межязыковых родовидовых несовпадений, сосредоточена в денотативном компоненте и отражает различия, несовпадающие элементы в мышлении соседствующих социумов. Мышление одного народа может обобщить в понятие и закрепить в словесном знаке артефакт или явление, которое другим народом как бы не замечается, хотя объективно существует. Это обуславливает наличие в языке немотивированных лакун. «Концептуальные различия предстают в нашем языковом сознании не как непосредственно культурные, а как мыслительные, концептуальные» [Гудаевичус 1985: 41].

Б. Харитонов, В.Л. Муравьев, И.А. Стернин, С.Д. Кацнельсон и другие исследователи выделяют в особую группу концептуально-

**Хань Чжипин АССОЦИАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ
В АСПЕКТЕ ЛАКУНАРНОСТИ**

безэквивалентную лексику, которой в языке сравнения соответствуют собственно-концептуальные (немотивированные) лакуны. Такой же тип лакун обнаруживается и в китайском языке, где есть однословные обозначения концептов *брatья и сёстры* – 兄弟姐妹; *друзья детства* – 发小; *самый богатый человек* 首富. В русском языке нет специальных лексем, соответствующих по значению данным китайским словам, хотя образы, обозначенные ими, – *брatья и сёстры, друзья детства, самый богатый человек* – существуют у обоих народов. Один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны деятельности, которые другой язык предпочитает не выражать. В КНР тоже есть китайцы, которых можно назвать русским словом *размазня, неряха, скопидом, дипломник, абитуриент, кумушка, отличник*, но подобные однословные эквиваленты в китайском языке отсутствуют.

Китайские лексемы 困 (*хотеть спать*) ; 渴 (*хотеть пить*) ; 书店 (*книжный магазин*); 误解 (*неправильно понимать*); 锻炼 (*все виды спорта, движения, которыми китайцы занимаются в свободное время*) в русском языке однословно не обозначены, т.е. выражены немотивированными лакунами, обусловленными национальной спецификой мышления русских и китайцев.

Национально-коннотативная специфика семантики заключается в наличии (или отсутствии) эмоциональной, экспрессивной и оценочной сем в содержании слов и устойчивых выражений русского языка, выявляемых при сопоставлении с единицей языка сравнения. Это проявляется в специфике эмоционального, экспрессивного или оценочного содержания слов сравниваемых языков.

Таблица 1

Реакции на слово лотос (荷花), %

Русские		Китайцы	
Цветок	35	Чистота	38
Порошок	20	Будда	35
Болото	10	Благородный человек	8
Вода, компания, Китай, Индия и другие	35	Святой	5
		Розовый цвет, фея, большой лист и другие	5

Таблица 2

Реакции на слово персик (桃), %

Русские		Китайцы	
Фрукт	20	Плод	27
Плод	8	Долголетие	17
Сладкий	8	Торт на день рождения в форме персика	13
Вкусный	7	Вкусный	11
Мохнатый	7	Обезьяна	11
Девушка	7	Консервы из персика, убежать, красный	21
Осень, Персия, Африка, блин, лето, дорогой, бархатный, дыньки, щечки, тропики, нежный и другие	43		

Таблица 3

Реакции на слово берёза (白桦树), %

Русские		Китайцы	
Белая	27	Белая	32
Стройная	18	Дерево	24
Русская	13	Песня	20
Дерево	11	СССР	8
Дуб	5	Не знаю	5
Красиво	5	Красиво	3
Лес, высокая, зелёная, сок и другие	21	Альбинизм	3
		Россия и другие	5

Реакции на слово *рябина* (花楸果), %

Русские		Китайцы	
Красная	33	Не знаю	70
Кудрявая	17	Ягоды	17
Куст	13	Красиво, красная, дикий и другие	13
Одинокий	13		
Печальный	8		
Горькая	5		
Смородина, колхоз, черёмуха и другие	11		

Анализ полученных результатов показывает, что в китайском языке слово 荷花 (лотос) в отличие от русского эквивалента *лотос*, кроме общего лексического значения – род двудольных водяных растений, единственный представитель семейства Лотосовых (лат. *Nelumbonaceae*), – включает в семантическое поле многообразные эмоциональные, оценочные и экспрессивные ассоциации, связанные в сознании китайцев с чистотой, чудесным рождением Будды и т.д. *Лотос* много тысячелетий является священным символом восточных стран.

Основное и, видимо, исходное значение этого мифопоэтического символа – творящая сила, связанная с женским началом, отсюда – дополнительные символические значения *лотоса*: лотос как место зарождения жизни; плодородие, процветание, потомство, долголетие, здоровье, жизненная полнота, слава; земля как космическая, самопорождающая суть; спонтанное творение, вечное рождение (божественное, сверхчеловеческое); бессмертие и воскресение к вечной жизни; чистота, духовность, смиренномудрие.

В разных традициях с лотосом связываются также жизнь, чистота, андрогинность, согласие, мечтательность, забвение, мир, тишина, твердость, непрерывность, солнце. Структура цветка лотоса (периферийная, лепестковая часть и центр) символизирует взаимодействие женского и мужского начал (<http://www.symbolarium.ru/index> [дата обращения: 09.12.13]).

В китайской культуре *лотос* означает чистоту, совершенство, духовное изящество, мир, женский гений, лето, плодovitость. Кроме того, *лотос* олицетворяет прошлое, настоящее и будущее, поскольку каждое растение имеет бутоны, цветы и семена одновременно. Для китайцев *лотос* – символ человека благородного, выросшего из грязи, но ею не запачканного [张鹏飞 2009:72–73]. В русском ассоциативном сознании подобные коннотативные приращения к лекси-

ческому значению слова *лотос* отсутствуют. Это объясняется тем, что данное многолетнее водяное растение не распространено в российской флоре, произрастает лишь на юге Дальнего Востока и в дельте реки Волги и потому для русских является редким, экзотическим. Обычно исследователи лакунарности называют подобный тип лакун ассоциативными (эмотивными). Учитывая полное отсутствие коннотаций у лексемы *лотос*, ставшей, на наш взгляд, причиной отсутствия каких-либо ассоциаций у носителей русского языка, мы называем такую лакуну абсолютной мотивированной ассоциативной лакуной.

Сопоставление реакций на слово *персик* (桃) показало, что у китайцев в сравнении с русскими *персик* (桃) – не просто сладкий плод с крупной косточкой, но и символ долголетия. В китайском языковом сознании существует ассоциация *персик* – обезьяна. Это представление связано с популярным в Китае романом-сказкой У Чэнэнь «Путешествие на запад», в котором самый привлекательный персонаж – Сунь Укун (волшебная обезьяна) любит персики. Данные ассоциативные связи возникли под влиянием произведения культуры. При этом, например, ассоциация *персик* – *девушка* у русских не покажется неожиданной, так как в России широко известна картина В. Серова «Девочка с персиками».

Слово *берёза* (白桦树) в русском языке ассоциируется с женщиной, и потому в русском песенном жанре *берёза* олицетворяется с девушкой или невестой. На территории Китая *берёза* распространена только в северной провинции Хэйлунцзян на границе с Россией. Остальное население имеет смутное представление об этом дереве, поэтому у китайцев слово *берёза* не наполнено экспрессией, эмоциональностью, не получило никакой оценки и не стало символом, как у русских.

Слово *рябина* (花楸) чаще всего вызывает у русского ассоциации с родиной, печалью, одино-

чеством, с родной природой. *Рябина* у россиян опозитивирована, ей посвящено немало стихов, песен, поговорок. А для китайцев это название обычного дерева и ягоды. Случаи несовпадения символических значений или их отсутствие в одной из культур сигнализируют о наличии эмоционально-ассоциативных лакун, которые могут вызывать недопонимание между представителями соседствующих культур.

Проведённый нами свободный ассоциативный эксперимент на ассоциативные реакции других слов подтверждает наблюдения учёных-исследователей, заметивших, что один и тот же предмет может быть в обеих культурах, но его коннотативное наполнение национально обусловлено, что проявляется в особенностях символического употребления этих лексических единиц и отражается как на их семантике, так и на употреблении. Например, в китайском языке *сосна* (松树) не только обозначает вечнозелёное хвойное дерево, как и в России, но и символизирует смелого героя.

В китайской культуре есть три символа, отражающие китайский национальный характер: (松) *сосна*, (竹) вечнозелёный *бамбук* и (梅) *зимняя слива*. Эти три растения особенно близки душе и сердцу китайца. Они как три друга, три неразлучных товарища, вместе встречают весну и тянутся к вешнему солнцу. Поэтому их называют *три друга в зимнюю пору*. *Сосна*, *бамбук* и *зимняя слива* символизируют собой национальную особенность характера китайского народа – не сдаваться и идти навстречу весне. Когда мороз сковывает землю, *сосна* остаётся прежней. Поэтому китайцы считают её символом стойкости и негибкости. *Сосна* круглый год сохраняет свой зелёный цвет, поэтому в сознании китайцев она стала ещё и символом долголетия.

Зимняя слива – самый традиционный цветок в Китае. Она источает нежнейший аромат. Чем сильнее холода, тем красивее и чище оттенки её цветов. Поэтому для китайцев она символ благородной чистой красоты, стойкости и скромности [Общее знание 2006: 19].

Растения (竹) *бамбук* и (梅) *зимняя слива* вообще не растут в России, в связи с этим в русском языке по отношению к ним абсолютно отсутствуют какие-либо коннотации, порождающие, как правило, символические значения. Таким образом, слова (松) *сосна*, (竹) вечнозелёный *бамбук* и (梅) *зимняя слива* для русских коннота-

тивно нейтральны и потому не вызывают никаких ассоциаций.

В русском языке *журавль* (鹤) как крупная перелётная птица ассоциируется с весной, а в китайском языке – с долголетием и выдающимся человеком. Для китайцев болотные *утки-мандаринки* (鸳鸯) – это атрибут супружеской верности и семейного счастья, тогда как в русском языке это слово коннотативно не окрашено, им просто называют красивых болотных птиц. Вот как русская девочка Даша Волкова из Амурской области с восторгом пишет об этих водоплавающих:

Не стреляйте в утку-мандаринку,

Дайте ей, красавице, цвести!

Посмотрите на неё и сами

Убедитесь – глаз не отвести! [«Я люблю эту землю» 2003: 201].

Мы считаем, что именно национально-культурная и национально-коннотативная специфика являются основной причиной лексической лакунарности. В языке сравнения национально-коннотативная специфика отражена, по мнению ряда российских авторов, эмоциональными (ассоциативными) лакунами.

«Язык через систему своих значений и их ассоциаций окрашивает концептуальную модель мира в национально-культурные цвета, поэтому языковая картина мира каждого конкретного народа является фактом его национально-культурного наследия и обладает уникальной спецификой. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, в связи с этим носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков. При изучении закреплённого в данном языке описания мира необходимо выявить не только общие, универсальные принципы организации действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком – как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей» [Фирсова, Карасева 2012]. С подобным типом лакун связано и наименование такого млекопитающего, как *панда* (熊猫). Это широко распространенное на территории КНР дикое животное, обитающее в бамбуковых зарослях, произрастающих в южной провинции Сычуань. Бамбуковый медведь – млекопитающее семейства медвежьих со своеобразным чёрно-белым окрасом шерсти, обладающее некоторыми

признаками енотов, внешне безобидное неуклюжее существо, вызывающее чувство умиления. Черно-белый окрас панды символизирует в Китае простоту и чистоту. *Панда* для россиян – экзотическое, не символическое животное, выраженное абсолютной мотивированной ассоциативной (эмотивной) лакуной.

Именно национально-коннотативная специфика, обусловленная национально-культурным своеобразием, на наш взгляд, является причиной формирования символического значения у того или иного слова в прошлом и настоящем, что порождается своеобразием ассоциаций носителей языка, вызываемых национальными особенностями проявления оценки, экспрессии и эмоциональности по отношению к тому или другому артефакту или явлению природы (натурфакту).

В русском социуме эталоном крепкого здоровья, недюжинной физической силы является *бык*, в Китае *бык* – символ упрямства и трудолюбия. В процессе свободного ассоциативного эксперимента русские реципиенты на стимул *бык* продемонстрировали следующие реакции: *крепкий, здоровый, сильный, с короткой сильной шеей, выносливый, обжора, недовольный, упрямый* [Козлова 2001: 8], а китайские респонденты в проведенном нами эксперименте демонстрируют несколько иные реакции, частично совпадающие с реакциями русских: *трудолюбивый, сильный, упрямый, плодородный*.

В русском языке *баран* ассоциируется с *глупостью, безволием и упрямством*, что зафиксировано во фразеологизмах: *идти как бараны, смотреть как баран на новые ворота, упереться как баран, глуп как баран и другие*, а в Китае *баран* ассоциируется с нежностью, добротой. С глупостью ассоциируется не баран, а свинья. В китайском языке активно функционирует выражение *глуп как свинья*.

Китайский исследователь национальной специфики семантики У Гохуа считает, что культурная коннотация слова обычно основывается на некотором стереотипном для данного национально-культурного коллектива образно-ассоциативном комплексе. Автор указывает, что *медведь, пень, бревно* в русской лингвокультуре ассоциируются с неуклюжестью, *баран* и *осёл* – с глупостью, а *орёл* и *сокол* – со смелостью. Китайский исследователь национальной культурной семантики номинативных единиц приходит к выводу, что «чёткие и постоянные оценочные коннотации несут метафорические переносы ти-

па «животные → человек». Цель этих переносов – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных сам по себе подразумевает оценочные коннотации» [У Гохуа 2003: 87–88].

Таким образом, коннотативная специфика значения проявляется не только в несовпадении эмоциональных и оценочных компонентов в сопоставляемых единицах двух языков, но и в наличии той или иной эмоции или оценки в единице одного языка при её отсутствии в единице языка сопоставления, что порождает ассоциативную лакунарность.

Национально-языковая специфика заключается в наличии или отсутствии в анализируемой русской семеме тех или иных формально-структурных признаков относительно языка сравнения. «Национально-культурную специфику слова следует отличать от национально-языкового своеобразия, не обусловленного особенностями культур» [Зубкова 1995: 10]. Национально-языковая специфика отражает различия между единицами двух языков, связанные с исторически сложившимся местом единиц в системах обоих языков. Это особенности слова как единицы национальной системы языка вне связи с отношением слова к действительности, сознанию, эмоционально-оценочному компоненту значения. Разные виды национальной специфики отражены в символическом восприятии и мышлении двух народов. Это обусловлено отсутствием/наличием разного рода коннотаций в единицах лексических систем, что порождает феномен ассоциативной лакунарности.

Список литературы

Быкова Г.В., Глазачева Н.Л. Тематический словарь лакун русско-китайской и китайско-русской межъязыковой коммуникации. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 200 с.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системалогии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 364 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое мастерство. 3-е изд, перераб. и доп. М.: Рус. язык, 1983. 269 с.

Гудавичюс А. Сопоставительная лексикология литовского и русского языков. Вильнюс: Москлас, 1985. 175 с.

Зубкова Л.И. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в произведениях В.М. Шукшина. Воронеж, 1995. 308 с.

Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М.: Дело и сервис, 2001. 208 с.

Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения // Вестник Моск. ун-та. Сер.: Филология. 1966. №5. С. 43–50.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М: ЧеРо, 2003. 349 с.

Общее знание по культуре Китая. Пекин: Изд-во SINOLINGUA, 2006. 241с.

Стернин И.А. Структурная семасиология и лингводидактика // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 104–121.

У Гохуа. Контрастивный анализ национально-культурной семантики русских и китайских номинативных единиц. Пекин: Изд-во обучение и исследование иностранных языков., 2003. 323 с.

Фирсова Н.М., Карасева Ю.А. Отражение национально-культурной специфики в художественном тексте (на материале испаноязычной литературы) // Современные научные исследования и инновации. 2012. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/02/7920> (дата обращения 28.11.2013).

Шановаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2004. 349с.

Я люблю эту землю. Стихи и проза жителей Благовещенского района Амурской области. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. Вып. 2. 232 с.

张鹏飞《论“荷花情结”对中国佛教文化的审美观照》中南民族大学学报(人文社会科学版) 2009年9月29卷第5期 Journal of South-Central University for Nationalities (Humanities and Social Sciences. Ser.). 2009. Vol. 29, No. 5. С. 71–74. Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index> (дата обращения: 09.12.13).

References

Bykova G.V. Glazacheva N.L. Tematicheskij slovar' lakun russko-kitajskoj i kitajsko-russkoj mezhjazykovoju kommunikacii [Idioglossary of lexical gaps of Russian-Chinese and Chinese-Russian interlingual communication]. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2011. 200 p.

Bykova G.V. Lakunarnost' kak kategorija leksicheskoi sistemologii [Lacunarity as a category of lexical systemology]. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2003. 364 p.

Vereshhagin E.M. Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. Metodicheskoe masterstvo [Language and culture: Culture-through-language studies in teaching Russian as a foreign language. Methodical skill]. Moscow: Rus. jazyk Publ., 1983. 269 p.

Gudavichjus A. Sopostavitel'naja leksikologija litovskogo i russkogo jazykov [Comparative lexicology of Lithuanian and Russian]. Vinius: Mosklas, 1985. 175 p.

Zubkova L.I. Bezjektivnaja leksika s nacional'no-kul'turnoj specifikoj znachenija v proizvedenijah V.M. Shukshina [Untranslatable words with culture-specific meaning in works by V.M. Shukshin]. Voronezh, 1995. 308 p.

Firsova N.M., Karasjova Ju. A. Otrazhenie nacional'no-kul'turnoj specifiky v hudozhestvennom tekste (na material ispanojazychnoj literatury) [Representation of cultural specificity in literary text (a case study of literature in Spanish)]. Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii [Current scientific research and innovation]. 2012. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2012/02/7920>. vremja-poseshhenija (accessed 28.11.2013)

Kozlova T.V. Ideograficheskij slovar' russkih frazeologizmov s nazvanijami zhivotnyh [Thesaurus of Russian phraseological units involving names of animals]. Moscow: Delo i servis Publ., 2001. 208 p.

Komlev N.G. O kul'turnom komponente leksicheskogo znachenija [On the cultural component of lexical meaning]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija filologija [Herald of Moscow University. Series: Philology]. 1966. Iss. 5. P. 43-50.

Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov [Linguistic view of the world as a derivation from national mentality]. Moscow: CheRo, 2003. 349 p.

Obshhee znanie po kul'ture Kitaja [General knowledge of Chinese culture]. Beijing: SINOLINGUA, 2006. 241 p.

Sternin I.A. Strukturnaja semasiologija i lingvodidaktika [Structural semasiology and linguodidactics]. Russkoe slovo v lingvostranovedcheskom aspekte. [A Russian word in terms of culture-through-language aspect]. Voronezh: Voronezh University Publ., 1987. P. 104-121.

U Gohua. Kontrastivnyja analiz nacional'no-kul'turnoj semantiki russkih i kitajskih nominativnyh edinic [Contrastive analysis of culture-specific semantics of Russian and Chinese nominative units]. Beijing, Obuchenie i issledovanie inostrannyh jazykov Publ., 2003. 323 p.

Shapovalenko I.V. Vozrastnaja psihologija (Psihologija razvitija i vozrastnaja psihologija) [Developmental psychology]. Moscow: Gardariki Publ., 2004. 349 p.

Ja ljubljuj etu zemlju. Stihi i proza zhiteli Blagoveshenskogo rajona Amurskoj oblasti. [I love this land. Poems and prose by residents of Blagoveshchensk district of Amur oblast]. Blagoveshchensk: BSPU Publ., 2013. Iss. 2. 232 p.

张鹏飞《论“荷花情结”对中国佛教文化的审美观照》中南民族大学学报(人文社会科学版) 2009年9月29卷第5期 [Journal of South Central University for Nationalities (Humanities and Social Sciences)]. Sep. 2009. Vol. 29. No. 5. P. 71-74.

ASSOCIATIVE REACTIONS OF RUSSIANS AND THE CHINESE IN THE ASPECT OF LACUNARITY

Han Zhiping

Postgraduate Student in the Department of Russian Language and Literature
Blagoveshchensk State Pedagogical University

Language as a means of international communication reflects specific facts of national material and spiritual culture of the society it serves. Each native speaker is a product of complex interaction of social-historical and cultural factors. Cultural heritage as a whole allows people of the same speech community to understand each other easily. As is known, two national cultures never coincide completely, which is expressed in the national specificity of speaking communities. When representatives of different countries interact, this noncoincidence inevitably causes misunderstanding, especially perceived in case of lacunarity. Theory and practice of translation, as well as methodology of teaching foreign languages provide a wealth of examples when notions of one language have no name in the other language, that is, examples of lexical gaps. The given article considers different types of national specificity: national-cultural specificity of semantics, national-conceptual specificity of semantics, national-connotative specificity of semantics. Lexical-semantic groups having connotations in Russian and Chinese linguocultures are analyzed, characteristics of the connotations are investigated on the basis of an associative experiment.

Key words: associative lacunarity; associative reaction; concept; conceptually non-equivalent lexical unit; national-cultural specificity of semantics; national-conceptual specificity of semantics; national-connotative specificity of semantics; non-motivated lacuna.